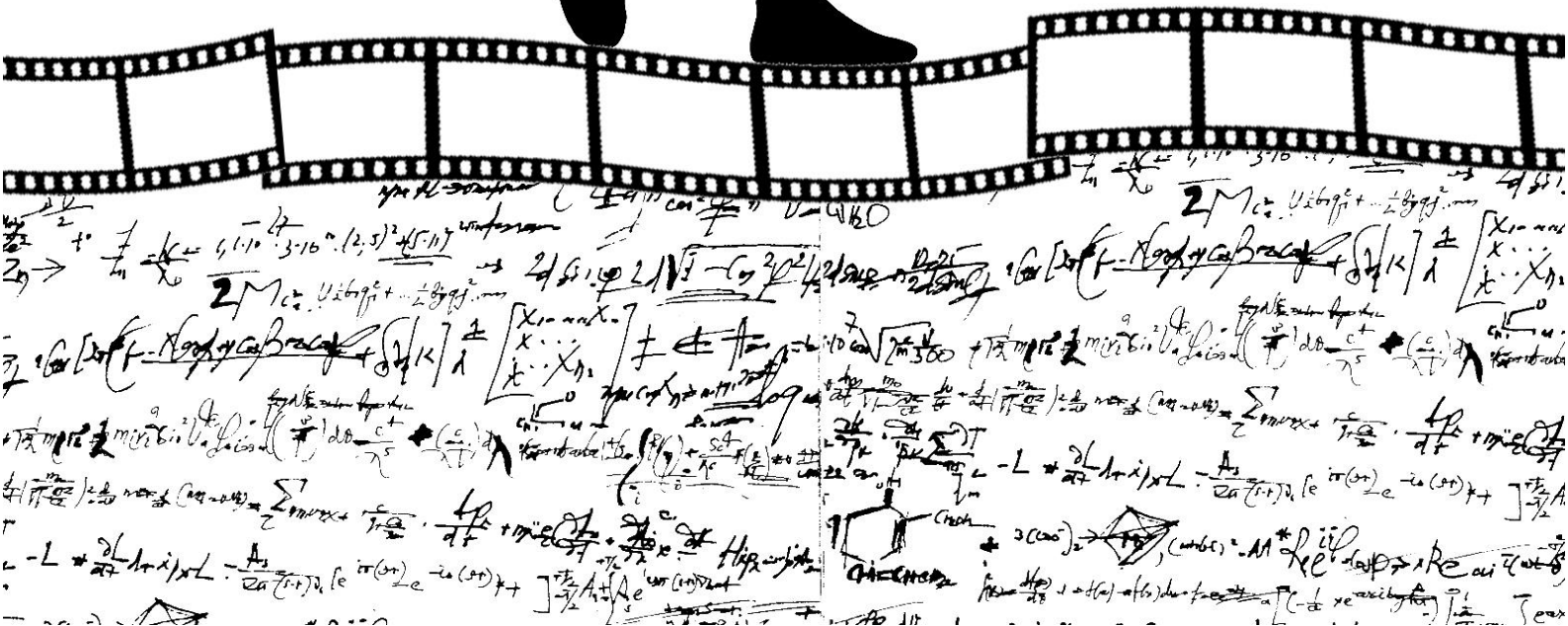
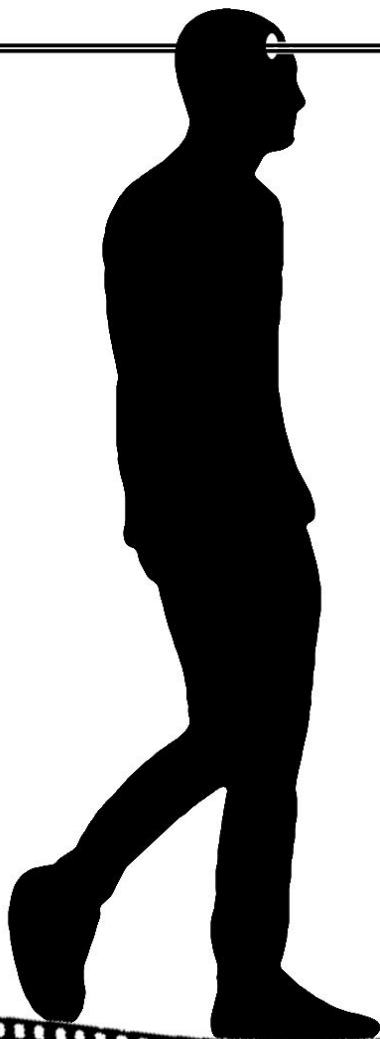

НЕПОЛНОТА

ЖИЗНУ

Семен Грила

Неполнота жизни

Эпизод первый

Неполноценность – ругательное слово. Типа дурака или того хуже. Гена Куртов всегда был в этой когорте. Слабоумный, недоразвитый и аутичный. Он жил, как писал товарищ Носов, Незнайкой на Луне. Ему всегда казалось, что он не здешний. В детском саду ему не нравилась замерзшая каша, пенка на компоте и прочие гастрономические вершины поварихи, которая была и нянечкой, и сторожем в их саду, называвшемся «Гвоздичка».

Он писал в штаны. Не потому, что не мог сделать правильно, а так ему хотелось поддерживать свою необычность. Получалось. Но после очередного раза мама попросила перестать. И он перестал.

Он любил маму. Мама была счетовод. Иногда она водила его к себе на работу, когда приходилось выходить в выходные. Его угощали конфетами сослуживцы мамы и умилялись, какой он милый. Ему было тепло. Нет, ему было хорошо – и поэтому тепло. Не надо путать.

Что касается отца, то Гена видел его нечасто, он все время был на работе. Что-то строил. Он был прорабом. Не сильно было Гене понятно, почему надо строить круглый день, но он не задавался этим вопросом осознанно. Просто в глубине его таилось недоумение, которое мешало, но не сильно.

Эпизод второй

Так вот и шла его жизнь. Обычно. Без суеты. Без взлетов, но ровно. Он не удивлялся, что все, как всегда, хорошо. Вернее, он не понимал, как может быть плохо. Так жили все вокруг. Одинаково.

А потом он встретил Шурика. Это было уже в школе. Ровная такая установилась негорячая взаимность. Как обычно. Ну а как может быть иначе. Менялись вкусы и пристрастия, не менялась холодность Гены к миру окружавшему.

Да, Шурик. Шурик был из другой школы. Кто-то из приятелей привел его. Познакомились. Начали иногда видеться. Шурик был какой-то взрослый, что ли, и этим притягивал. Он имел некие суждения, которых не слышал раньше Гена, и самому ему они в голову еще не приходили. В общем, общение и восприятие окружающего мира изменилось, ускорилось.

Шурик говорил:

– Старик! Ты же ощущаешь, что все устроено не так, как мы видим. Чувствуешь, швы, как склейка киноплёнки, иногда попадают на глаза. Мельком.

Гена не чувствовал, но было необычно. Ведь у него на Луне не было такого персонажа, Носов забыл такое описать.

Эпизод третий

Потом был институт. Гена поступил легко куда хотел. Было круто, взросло, странно. Появилась девочка Лида. Гена увидел еще одну сторону жизни, она захватила целиком в какой-то момент. Но полноценности не добавила.

Недостача ощущалась как никогда. Когда же уже старость, подумал Гена. Как потом выяснилось, об этом же мечтал и Лев

Толстой. Гена с удивлением узнал, что у разных людей могут быть одинаковые ощущения. Сходные ситуации.

Потом Гена болеет. Не коротко – нет. Мама таскала по врачам. Ничего не нашли, но на всякий случай выделили Гену в нетипичный случай. Выписали глицин. Советовали поменьше думать.

Гена старался, и у него в основном получалось. Теперь его неполноценность подтвердилась медицинскими оценками. Он был доволен. Для него нашлась ниша. Он был не чужой теперь, а вполне атрибутированный.

Как-то, разговаривая с ним, Лида сказала, что он слишком лапидарный. Откуда она знала такое слово, осталось неизвестным, но оно резануло.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– Ну как тебе объяснить, – отвечала она. – Все прямо, без полутонов, без теней. Хочешь – всё черно-белое. Такое у тебя кино. А жизнь дает большой простор для нюансов.

Он вроде понял ее, но на самом деле – нет. Просто ощутил неполноценность как никогда раньше, глубже и больнее. Вот так, подумал он, она судит легко и просто, ну а я никак не сужу. Как лучше?

А вслух сказал, что ему кажется, она не праведница, и он вполне даже глубок.

– Глубок, да однокбок, – засмеялась она.

Ему стало холодно.

Эпизод четвертый

Они сидели с отцом на даче. Гена приехал помогать, отец пытался построить баню. Они оба любили баню. Правда, Гена не знал, почему отец любит баню. И почему любит сам, тоже не знал.

Хотя, может, и знал. Баня всех уравнивает. Голые – и начальник, и дурак. Равенство, в общем, а если еще и с пивом, то и братство. А свобода зависит от количества и достигается без усилий.

Они любили баню. Таскали бревна. А потом на них же и сидели.

Гена сказал:

– Я думаю жениться.

Отец, глядя прямо, ответил:

– Помни, это навсегда. Ты понимаешь?

Гена не понимал, но кивнул. Наверное, все, кроме него, поняли бы. Отец говорил еще что-то, но Гена и из этого ничего не понял, какие-то рассуждения о долге.

Он ответил еще раз, что все понимает. Отец смотрел на него и молчал теперь.

Эпизод пятый

Гена оказался вполне достойным работником. Он стал работать инженером в институте. Большом и химическом. В таких давали молоко за вредность.

Жизнь текла по-прежнему размеренно. По субботам баня, по четвергам покер, в остальные дни телевизор. А, нет, еще, конечно, по друзьям, по дачам. Дни рождения, праздники обычные и необычные. Такое раз в месяц как минимум случалось.

Чем дальше вертелось колесо лет, тем больше Гене хотелось во вселенную Носова. Большую шляпу и отсутствие границ и запретов.

Он постепенно увлекся чтением. Заложное Шуриком стало прорастать снова. Теперь он видел то, чего не замечал раньше, почему-то не замечал, смотрел – и не видел.

Появился и новый собеседник. Иван Иванович. Они вместе работали. Иван Иванович был профессор и любимец студентов. Скучный, пожилой, тихим голосом вещал. Половину было и не понять без подготовки. Но энергию некую имел, и она притягивала и компенсировала все остальное. Пашн, как говорят французы. Или как Гумилёв – пассионарность. Страсть. Вот чего вечно не хватает.

Эпизод шестой

Они сидели вечером с Иван Ивановичем на кафедре. В институте так назывались учебные единицы. Все делилось на кафедры, лаборатории и факультеты. Вот они работали на кафедре и теперь сидели в помещении, принадлежащем их кафедре.

Пили. Ну так, не сильно. В химическом вузе не пить было нельзя. В смысле – не пить было можно, но странно. Они не хотели выделяться и поэтому пили. А может, хотелось. Черт их разберет, этих ученых. Рефлексии, саморефлексии, сомнения и неуверенность. Вот и все.

Так вот, они выпивали как-то на кафедре. Или я уже это говорил? Ну, не суть – говорил, не говорил. Иван Иванович заплел тему с интригами на факультете, что его зажимают, а ему давно пора свою кафедру получить, не дают развернуться, а годы идут.

Гена спросил:

– А чего они вам не дают возможности?

Он знал ответ, но разговор надо поддерживать.

– Ты, Гена, и сам прекрасно знаешь: чтобы занять кафедру, надо, чтобы ее кто-то освободил. А таких не наблюдается желающих.

– Может, поискать в других вузах?

– Искал, ничего нет подходящего.

Они продолжали вокруг этого долго, и в какой-то момент Гена допустил ошибку.

Эпизод седьмой

Он спросил:

– А чего вам, собственно, не хватает, Иван Иванович? Зачем обязательно кафедра?

Коллега прямо задохнулся на полуслове:

– От тебя, Гена, я не ожидал такого вопроса. Я думал, ты понимаешь, что нужен простор, чтобы двигаться.

– Ну а что, – шел неверной дорогой нечуткий Гена, – оборудования сколько хочешь, лабораторные часы – бери не хочу, никто не ограничивает.

– Ты дурак, похоже, Гена, – глядя на него протрезвевшими глазами сказал Иван Иванович. – Нужна позиция в иерархии для продвижения идей.

– Я думал, идеи сами ходят, – совсем ушел в штопор Гена.

– Да ну тебя, – вдруг расслабился Иван Иванович. – Наливай.

Они оба поняли. Гена – что ему не хватает вот этого вот. Страсти. А Иван Иванович понял, что Гена не для обсуждений замыслов его существует, а просто как товарищ по выпивке.

Эпизод восьмой

Страсть делает нас необходимыми. Достаточными. Полноценными. Возможно, это так. А возможно, не в этом дело вообще. Недостаточность – это тот порок, который оставляет цивилизацию на ходу, не превращая ее в культуру.

Они сидели на балконе Сашкиной (он же Шурик) квартиры и пили пиво. В трусах. Было воскресенье. Лето. Пух. Красота.

Сашка теперь был большой и знаменитый. Он снимал кино. Он матерился.

Гена рассказал ему, что понял про склейку кадров и недостаточность. А Шурик щурился в ответ и говорил ему, что он, Генка, как был ребенком, так и остался им. И что это хорошо. Такой большой и прикольный.

Они все пили и пили это прекрасное пиво. Солнце садилось. Сашка говорил, Гена спал. Ему снилась девочка Лида. Нет, ему снился Иван Иванович, такой пассионарный. Такой блестящий и умный. Двигающий науку в прогресс.

Эпизод девятый

– А знаешь что, дорогой мой, – сказал ему Шурик, когда они шли из магазина. – Знаешь что. Если твое имя сделать фамилией, а фамилию – именем, да еще и латиницей, получится примерно Курт Гедель.

Гена кивал, он был совершенно счастлив сегодня. Ему нравилось все.

– А Гедель этот доказал теорему о неполноте. Ты следишь за мной?

– Да, – ответил Гена, – слежу, конечно. Я помню. Читал чего-то в студентах. Для решения задачи с X количеством переменных потребуется X плюс одно уравнение.

– Да, – сказал Шурик, – ты гений. Все правильно, это и называется неполнота. Таким образом существование нашего мира доказывает существование другого, иначе никак не заполнить эту пустоту. И значит, ты и есть Гедель, но в другой вселенной. И тебе его не хватает.

– А почему тебе его хватает? – спросил Гена.

Эпизод десятый

Гена залез в интернет и освежил Гедедя. Возможно, Сашка был прав. Наверно, ему не хватает, как и всем, но другие нашли, чем заполнить пустоту, а он – нет. Вот Сашке хватает работы, Иван Иванычу – его борьбы за место под солнцем. А Гена был вот полностью недостаточный. Почему так вышло? Из-за каши в саду, из-за мамы или папы? Или действительно он слишком примитивный, неглубокий? Одномерный.

Вот и рассказ про него получился такой же. Все эти заумные рассуждения математиков, упорно превращающих наш мир в цифру, окончательно лишают его тепла и чувств. Кто-то борется, кто-то неосознанно сопротивляется, а Гена просто наблюдает, как прекрасен мир, несмотря на желания сделать его пошлым.

Наверное, так и будет, если не найдется недостающее уравнение.